

Земля для народа

(Речь, произнесенная в Думбридже, Ирландия, 11 июля 1889 г.)

В том немногом, что я имею сказать вам сегодня вечером, я должен коснуться основных принципов.

Земельный вопрос в Ирландии не отличается по существу от земельного вопроса в других странах. Это не есть вопрос только об отношениях между крестьянами и помещиками. Это вопрос, который касается каждого мужчины, каждой женщины, каждого ребенка. Земельный вопрос есть просто другое название для великого рабочего вопроса, и люди, которые думают, что земельный вопрос имеет важность только для крестьян, забывают, что такое земля. Земля ведь не есть только место для пастбища коров или овец, для выращивания хлеба или капусты. Она есть незаменимый элемент, потребный для жизни человеческих существ. Все мы — земные животные, самые наши тела берутся из земли и снова в нее возвращаются. Живет ли человек в городе или в деревне, земледelec ли он, ремесленник или простой рабочий где-нибудь на фабрике или заводе, земля одинаково необходима для его жизни. Каково бы ни было его занятие, но если он занят производительным трудом, то труд этот в конце-концов всегда состоит лишь в работе над землей, в преобразовании и перемещении вещества вселенной. Производя что бы то ни было, люди не создают в собственном смысле этого слова; им не дано творить из ничего. Они не создают угля, они лишь выламывают его в земле и выносят наружу; они не создают рыб, они лишь ловят ее в озерах, в реках или в океане; они не создают домов, они только строят их из дерева, камня и железа; они не создают одежды, они лишь готовят ее из шерсти или растительных волокон; они не создают хлеба, они только поднимают землю и бросают в нее семя, предоставляя его воспроизводительным влияниям природы. Всюду только одно приложение труда к земле может производить предметы, потребные для удовлетворения нужд человека и для поддержания его жизни. Земля и труд — вот два необходимые и незаменимые фактора в производстве богатства.

Что же касается прав собственности, что касается того принципа, который позволяет человеку сказать о чем-нибудь: «Это мое; это моя собственность», то где мы можем видеть его возникновение и начало, как не в праве производителя на то, что им производится? Что сделано

человеком, то он по справедливости может считать своим. Все, что берет он из запасов природы путем затраты труда, все, что отливает он в формы, приспособленные для удовлетворения человеческих нужд, все это есть его в силу безупречного и священного права собственности, вытекающего из права располагать своими силами и пользоваться плодами своего труда. Нарушать это право значит нарушать священную заповедь «Не укради». Ведь это естественный и божеский закон, чтобы производимое принадлежало производителю, чтобы дом принадлежал тому, кто его строит, а хлеб или скот тому, кто их выращивает.

Но может ли это право собственности распространяться на самые запасы природы, на самую землю? Признавая за основной принцип ту несомненную и очевидную истину, что все, что производит человек, принадлежит ему и может быть даримо и продаваемо им кому угодно, мы вместе с тем признаем за основной принцип также и ту несомненную и очевидную истину, что все, что существовало ранее, чем явился человек на землю, что не было произведено человеком, а было создано Богом, принадлежит безразлично всем людям. Человек не создавал земли и никто из людей не может предъявлять прав собственности на нее. Земля создана была Богом, для которого нет высших и низших, и Он создал ее одинаково для всех людей. Все люди находятся здесь одинаково с Его дозволения; в силу законов, Им установленных, всем им одинаково нужно пользоваться землей; все они имеют равное право на жизнь и потому все они имеют равное право на пользование благостью Творца. И земля Ирландии подобно земле всякой другой страны, не может по справедливости принадлежать какому-либо классу, как бы он ни был мал или велик; земля Ирландии, подобно земле всякой другой страны, должна находиться в пользовании всего ее народа, и ни один человек не может иметь на нее такого права, какого не имел бы всякий другой человек.

Мы утверждаем, что все общественные трудности, заметные здесь, в Ирландии, что все общественные трудности, существующие в Англии и Шотландии, что все общественные трудности, возникающие в Соединённых Штатах — низкий размер заработной платы, малый спрос на рабочие руки, — тот факт, что трудящийся люд всюду пребывает в бедности, хотя труд есть производитель богатства, что все они зависят от одной великой коренной неправды, от того, что

сделан собственностью некоторых лиц естественный элемент, необходимый для всех, от того, что всюду в цивилизованных странах народные массы лишены их природного наследия.

Цель наша не в том, чтобы увеличить численность привилегированного класса, не в том, чтобы несколько тысяч собственников земли заменить многими тысячами их, а в том, чтобы обеспечить за самым низким членом общества его естественное, Богом данное, право, — чтобы обеспечить за каждым ребенком, рождающимся в Ирландии или в какой-либо иной стране, его естественное право на равное с другими пользование родной землей. А как мы можем достигнуть этого? Мы не достигли бы этого, если бы разделили землю на равные доли и поровну распределили ее между всеми семействами. Такой план мог годиться лишь при грубом состоянии общества, да и то нужно бы было сделать, как это и было сделано в Моисеевом законодательстве, чтобы наделы эти признавались неотчуждаемыми и не могли быть продаваемы. Но при нашей современной цивилизации, когда промышленность осложнилась, когда земля местами получила огромную ценность, а местами не имеет почти никакого, когда постоянно меняется ее относительная ценность, равный раздел земли не обеспечил бы равенства.

Путь обеспечения равенства прост. Он заключается не в том, чтобы мы делили землю, а в том, чтобы мы обратились к людям, которым позволено пользоваться землей, имеющей особые преимущества, и обязали их уплачивать всему обществу, всем людям и, в их числе, самим себе известное вознаграждение за пользование такой привилегией в виде правильно определённой ренты, которая и употреблялась бы затем на нужды всего общества. Нам нужно бы было лишь сделать весь народ единым собственником земли, а ренту, которая поступает теперь в карманы частных собственников, направить в бюджет и употреблять на общее благо.

Рента сама по себе есть нечто естественное и справедливое. Для примера представьте себе, что все мы, находящиеся в этой комнате, решили бы отправиться в какую-нибудь новую страну и поселиться там на условии полной равноправности; как могли бы мы поделить землю, чтобы установить и поддержать равенство? Если бы мы решили разделить ее на равные доли, то нам против этого прежде

всего могли бы возразить, что при нашем разделе мы еще не знали бы хорошо всех свойств земли, и один человек мог бы получить более ценную землю, чем другой. Со временем и вообще ценность различных участков изменилась бы. Далее, нам могли бы возразить, что, разделив землю и установив на нее полное и неограниченное право собственности, мы никоим образом не предупредили бы возникновения неравенства в последующих поколениях. Один мог бы быть расточителен, другой, наоборот, чрезвычайно жаден до сбережений или приобретений; один несчастлив, другой — очень удачен в своих начинаниях и т. п. В короткое время земля одного могла бы перейти в руки другого, и его дети уже не имели бы своей доли владения. Единственно, что мы могли бы уверенно сделать, так это предоставить каждому из нас полную свободу брать себе сколько угодно земли и пользоваться ею, пока никто другой не пожелает ею пользоваться; когда же другие пожелали бы ею пользоваться, то владелец ее должен бы был уплачивать известную премию, которая шла бы в общий фонд и, употребляясь на общее благо, выравнивала бы всех по их положению. Таков был бы идеальный способ деления земли в новой стране.

Теперь задача наша состоит в том, чтобы применить тот же способ к старой стране. Тут мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что всюду в цивилизованном мире земля находится уже во владении некоторых лиц и лица эти не желают расставаться с ней. Один из ваших выдающихся лидеров, г-н Парнель, заявил несколько лет тому назад, что существуют только два способа получения земли народом. Первый способ — это выкупить ее, второй — отобрать силой. Это неправда. Существует третий способ, наиболее важный, и способ этот есть как раз предлагаемый нами в виде единого налога.

Мы предлагаем уничтожить все налоги, собираемые в настоящее время, и установить один только налог с ценности земли. Заметьте это, мы предлагаем установить налог лишь с ценности земли, а не с ценности улучшений в ней или на ней, которая была создана трудом и принадлежащая трудящимся. Мы предлагаем установить налог только с ценности земли, не зависящей от улучшений, так, чтобы с известного пространства неулучшенной земли взималось бы столько же налога, сколько с такого же пространства такой же улучшенной земли, чтобы с застроенного участка в городе взималось бы столько же налога, сколько с такого же участка незастроенного. Вот что мы

называем единым налогом. Мы брали бы в нем лишь ренту в собственном смысле этого слова, и было бы лишь естественно и справедливо, чтобы человек, владеющий землей лучшего качества, уплачивал бы обществу тот излишек, который он получал бы за счет предоставленной ему обществом привилегии.

Однако сверх ренты в собственном смысле этого слова, — так сказать, «экономической» ренты, — есть еще рента, вымогаемая путем монополии, рента, которую можно бы было назвать «монопольной» рентой. В той стране, куда мы, по предположению, отправились бы при порядке, рассмотренном нами, каждый уплачивал бы ежегодно в общий фонд соответственно той привилегии, какой он пользовался бы, владея землей известной ценности, и люди, во владении которых не было бы ценной земли, не знали бы никаких платежей. Рента, которую уплачивали бы отдельные члены общества, определялась бы только лишь ценностью той особой привилегии, какой они пользовались бы от общества. Но представьте себе, что всей этой страной, которая оказалась бы островом, владел бы один какой-нибудь человек; что, переселясь туда, вы были бы так неосторожны, что позволили бы хотя бы мне предъявить особое право на этот остров и назвать его своим. И вот там возникло бы то, что я назвал монопольной рентой. Я мог бы заставить вас отдавать мне каждую заработанную вами копейку, оставляя вам лишь столько, сколько необходимо для поддержания жизни, и если я не мог бы требовать от вас большого, то только потому, что тогда вам пришлось бы умереть. Именно эту-то монопольную ренту в значительной мере и представляет из себя все то, что собирается теперь землевладельцами Ирландии с ее народа. Право взимать ее является следствием права удерживать землю вне пользования, права отстранять от нее рабочие руки. Обложите землю соответственно ее полной стоимости, и от права этого не останется и следа: самый богатый землевладелец окажется не в состоянии владеть пустующей землей. Всюду это простое средство принудит собственников земли или пользоваться ею или передать ее в руки людей, которые желают ею пользоваться; арендная плата за землю упадет до размера экономической ренты и будет поступать не частным лицам, а в общее пользование и распределяться на нужды всего общества.

Применяя наши принципы к Ирландии, мы скажем, что арендная плата за землю Ирландии должна равняться лишь ренте, в эконо-

мическом смысле этого слова, и должна уплачиваться не собственникам земли, живущим где-нибудь в Лондоне, Париже, Глазго или самой Ирландии, а в ирландский бюджет, чтобы расходоваться на нужды всего ирландского народа.

Один господин в Тумбридже рассказывал мне, он имел с кем-то разговор, во время которого им было упомянуто мое имя. "Но если правда все, что вы говорите,—заметил его собеседник,— то почему же мы раньше-то не слышали ничего подобного и требовался непременно какой-то Генри Джордж, чтобы открыт нам все это?" Но не Генри Джордж открыл все это. Еще в старину говорили почти о такой же системе, да и теперь я не мог бы обойтись, чтобы не упомянуть имени одного из выдающихся ирландских деятелей, заявившего себя сторонником того же принципа задолго до того, как он слышал что-либо обо мне. Я назову вам имя одного только человека. Многие из вас, вероятно, знают д-ра богословия Налти, епископа из Миза. Во всяком случае все вы слышали о нем. И вот в 1881 году, когда я еще ни разу вне был в Ирландии и д-р Налти ничего еще не слышал обо мне, он опубликовал письмо свое по земельному вопросу к духовенству и мирянам мизской епархии. В письме этом он излагал как раз те самые принципы, которые я отстаиваю теперь перед вами. Он излагал тот принцип, достаточно очевидный для каждого, что все люди суть одинаково дети Творца, что Бог сотворил землю для всех созданий, что все Его дети, как старший сын самого гордого пэра, так и младший сын самого бедного крестьянина, наделены одинаковым правом на пользование его милостями за время своей земной жизни. Он излагал тот принцип, что земля Ирландии в отношении пользования ею, и только в этом отношении, принадлежит народу Ирландии, что даже и во всем своем составе народ Ирландии не может представлять на нее никаких прав собственности. Никакое поколение не может считать своим этот мир или какую-либо его часть. Он создан не людьми, и люди являются лишь его временными обитателями. Мы сюда приходим и уходим отсюда сменяющимися рядами поколений на время короткой нашей жизни, а земля во все дни остается нашим жилищем, нашей житницей и местом работы, и не для одного какого-либо человеческого поколения, а для всех поколений. Д-р Налти излагает как раз тот самый принцип, который я пытался здесь вкратце изложить пред вами, что существует право собственности, проистекающее от труда, от производства; что

это закон природы, закон Бога, чтобы все люди трудились и чтобы все, что производит человек своим трудом, было еще неотъемлемой собственностью, но чтобы запас, из которого все берется, сама земля, не принадлежала никому, а находилась как раз в том самом порядке пользования, какой предложен мною; пусть она находится во владении известных лиц, но пусть эти лица платят за эту привилегию в общий фонд, а фонд этот пусть употребляется на общее благо. Д-р Налти утверждает затем, что всякий человек, вникнувший в дело, от души согласится с тем, что естественный закон ренты, тот закон, в силу которого с ростом народонаселения все увеличивается и увеличивается ценность земли, является самым убедительным и наглядным доказательством не только премудрости, но также и благости Творца.

Исполняй только люди Божию заповедь справедливости, исполняй только люди основное правило христианской нравственности, — не делать другим того, чего ты не желал бы, чтобы делали тебе другие,— и это естественное установление, этот закон ренты стал бы приводить с развитием цивилизации не к чудовищным контрастам богатства и бедности, как это мы видим теперь, а к все большему и большему равенству.

Вот те простые, ясные принципы, которые мы отстаиваем, и мы предлагаем простое и удобное средство к восстановлению равенства прав людей на землю в отмене всех налогов и установлении налога с ценности земли, не зависящей от улучшений, подняв который до размера ренты, мы уничтожили бы монополизацию земли и создали бы фонд для удовлетворения нужд всего общества. Насколько легко это средство, можно видеть между прочим и из того, что, воспользовавшись им, мы могли бы перейти от теперешнего несправедливого общественного строя к идеально справедливому, совсем не сталкиваясь с вопросом о вознаграждении собственников за передачу земли во владение всего народа. Никому и в голову не пришла бы та мысль, чтобы нужно было вознаграждать человека за то, что он сделан плательщиком налога... И я вам скажу, что по моим личным наблюдениям (а за эти три месяца я говорил местах в семидесяти в Англии и Шотландии) идея единого налога быстро завоевывает себе внимание общества в этих странах и вскоре делается очередным вопросом внутренней политики в Великобритании. Не меньше успехов делает эта идея и по другую

сторону Атлантического океана, в Соединенных Штатах, где можно встретить горячих поборников ее и в городах, и в селах, и в одиноких хижинах, а о том, как стремительно проникает эта идея в область законодательства под Южным Крестом, вам, надеюсь, поведали находящийся здесь г-н Герленд, член парламента из Нового Южного Уэльса. И я прошу вас здесь сегодня вечером присоединиться, насколько это возможно для вас, к этому общему движению и двинуть вперед наше дело. Оно имеет не местное, а мировое значение. Оно затрагивает интересы не одного только ирландского, английского или шотландского народа или народа какой-либо иной страны, а интересы всего народонаселения земли. За что мы боремся, так это за свободу всего человечества; чего мы добиваемся, так это уничтожения того промышленного рабства, которое закабляет людей не менее, чем закаблял их жестокий закон. Тридцать лет тому назад вы могли побывать в Джорджии, Луизиане или Южной Каролине в каком-нибудь богатом поместье и видеть там сотни негров-рабов, тяжело трудившихся, одетых в рубища, полуголодных и живших в жалких хижинах. И тут же вы могли видеть их владельца, который не работал, а жил в роскошном доме, проводя зиму в поездках на Север или за Атлантический океан. То была известная форма рабства, форма присвоения труда других людей, принуждения работать их на себя, ничего не платя им за это. Но что мы видим в Ирландии? Здесь нет рабства! Здесь свободны все люди! А побывайте в каком-нибудь богатом поместье, и вы увидите там сотни людей, тяжело трудящихся, одетых в рубища, полуголодных и живущих в жалких хижинах,— людей, которые в хорошую пору еле сводят концы с концами, а в случае неурожая должны обращаться к общественной благотворительности, чтобы не умереть с голода. И тут же увидите вы роскошный дом и великолепный парк, принадлежащий человеку, который вовсе не работает, но который тем не менее наслаждается всем тем, что только производит труд,—который едва достаивает своим присутствием своё владение в течение нескольких недель или месяцев и все остальное время проводит, роскошествуя где-нибудь в Лондоне или Париже или путешествуя на собственной яхте. Есть ли какая разница в обоих случаях? Да только разница в форме. И в том и в другом случае человек, не работая, берет себе работу других. В одном случае он берет себе ее потому, что он владеет их телами, в другом — потому, что владеет землей. Если бы на том острове, о котором я вам говорил, вы позволили мне назвать землю своей, то я

сделался бы вашим господином, а вы — моими рабами, в такой же мере, как если бы я завладел вашими телами. Вот где причина того промышленного рабства, которое существует всюду в цивилизованном мире; вот где причина низкой заработной платы и постоянной безработицы. Однако нам не нужно бы было прибегать к междоусобной войне, чтобы избавиться от этого рабства. Есть сила более могущественная, чем сила меча, и эта сила есть сила общественного мнения. Что поработщает людей, так это только невежество и предрассудки. Нам нужно лишь обратиться к первым принципам, нам нужно лишь утвердить естественные права людей.

Замечу только, что мы не могли бы избавиться от этого рабства путем применения таких мер, какие предлагаются ирландскими патриотами, — путем выкупа земли у лендлордов и продажи ее крестьянам. Какой толк был бы от того для других рабочих? Какой толк от того был бы для ремесленников в городе? Да и был ли бы от того какой-либо толк для тех же крестьян с течением времени? Разве не водворилась бы здесь опять та же система благодаря превратности судьбы, благодаря переменам счастья, благодаря различиям между людьми, которые делают одних богатыми, других бедными, одних продавцами и заемщиками, а других покупателями и кредиторами? Да и несправедливой была бы такая мера. Какое право имеет крестьянин пользоваться благодеяниями общества предпочтительно пред другими его членами? Коли покупать землю для крестьян, то почему не покупать обувь для ремесленников, магазины для продавцов, лодки для рыбаков, и почему вообще правительству не заняться снабжением всех и каждого необходимыми ему орудиями производства? Да и самый выкуп этот что из себя представлял бы? Что, в сущности, стали бы мы выкупать? Право облагать налогом своих соотечественников? Право присваивать то, что принадлежит всем? Не этого требует от нас справедливость. Если бы при восстановлении за людьми принадлежащего им права надо было думать о чем-либо вознаграждении, то следовало бы подумать скорее о награждении людей, которые страдали от неправды, чем людей, которые учиняли ее и извлекали из этого прибыль.